

18+

Елена Полещенкова

ОДНАЖДЫ В КОММУНАЛКЕ

Рассказы

Елена Полещенко

Однажды в коммуналке. Рассказы

«Издательские решения»

Полещенкова Е.

Однажды в коммуналке. Рассказы / Е. Полещенкова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515547-4

Такие непохожие друг на друга, совершенно разные, со своими настроениями и характерами, словно разношерстные жильцы одной коммуналки — эти истории оставят след в каждом отзывчивом сердце. Трогательные воспоминания о детстве и зрелости, о беспомощной старости, о мечтах, об ошибках и, конечно же, о поисках себя и своего места в жизни. Рассказы прохладным ветерком врываются в повседневность, своим еле заметным прикосновением окутывают со всех сторон и увлекают за собой туда, где живут воспоминания.

ISBN 978-5-00-515547-4

© Полещенкова Е.
© Издательские решения

Содержание

Огурец прямо с грядки	6
История одного дня	8
Дед Петя	12
Когда умер монах	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Однажды в коммуналке

Рассказы

Елена Полещенкова

© Елена Полещенкова, 2020

ISBN 978-5-0051-5547-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Огурец прямо с грядки

Они встретились у большого камня. Того самого, который лежал между их домами и в детстве считался драгоценным, потому что блестел на солнце. Александр Петрович не был в родной деревне лет двадцать. Но если посчитать, то, конечно, окажется, что все тридцать. Но считать Александру Петровичу не хотелось, как не хотелось верить в то, что словосочетание «тридцать лет назад» уже имеет к нему, шестидесятилетнему генералу, самое прямое отношение. На малую родину Александра Петровича привёл случай. А точнее – распоряжение правительства. Руководители всех ведомств должны были 1 сентября посетить линейки в своих школах.

– Сашка, ты что ль?

Александр Петрович обернулся. У камня стоял Генка. Генка курил, и огонёк сигареты в крошечной деревенской тьме выглядел маяком.

– Гена, – кивнул Александр Петрович, тем самым подтверждая, что он и вправду Сашка.

И вот они уже в холодной, пахнущей яблоками и луком веранде Генкиного дома. Генка открывает дверь в кухню – ошеломляюще светлую, нагретую до терпкой духоты.

– Видала, Верка, кого я привёл? – Генка говорит громко, с храбрым настороженным вызовом.

Верка, Генкина жена, а когда-то Сашкина и Генкина одноклассница, прижимает ладони к худым коричневым щекам, потом обнимает Александра Петровича и длинно всхлипывает. На всякий случай. Чтобы сразу пожалеть Сашку за всё грустное, что было в его жизни. Верка точно знает, что грустного в жизни хватает. Даже если эта жизнь – генеральская.

– Вот какое оно, твоё генеральское счастье? – Генка разливает по рюмкам с пёстрыми переснимками местную «зубровку». Александр Петрович вдыхает запах сладкой травы, которая растёт только в этих местах, и внутри становится горячо и волнительно. Почему-то вспоминается, как Валька из десятого прижималась к нему, тогда ещё девятикласснику, на новогоднем огоньке.

– Живёшь-то небось в бетонной коробке? – не унимается Генка.

– Ну да, в квартире.

– Во-о-от! То-то и оно, в квартире! – Генка торжествующе трясёт указательным пальцем. – А я захотел огурчика, вышел в огород – и вот он, пожалуйста, Геннадий Васильевич – свеженький, хрустящий! Ты когда последний раз-то огурец прямо с грядки лопал?

Александр Петрович неопределённо пожимает плечами.

– А вот хочешь, прямо сейчас пойдём да сорвём?

На огороде пахнет землёй, которая только-только разрешилась от бремени. Александр Петрович и Генка жуют огурцы молча, священнодействуя.

– Ну? – Генкин голос сливается с вязкой тишиной деревенской ночи.

– Да-а-а, – торжественным эхом отвечает ему Александр Петрович.

– Да не тяни так, задушишь! – Генка отталкивает Веркины руки и срывает с шеи скользкий галстук. – Хватит пиджака! И так вырядился, как на похороны!

– Сплюнь! – Верка застёгивает мужу пиджак на две пуговицы и удовлетворённо кивает. – Не лампасы, конечно, но вид есть!

– Надо ему мой вид, – ворчит Генка.

– И не сашкай там ему, – наставляет Верка: – Дорогой Александр Петрович, жизнь мы прожили честно...

– Ему какое дело, как мы прожили?

– ...Хотим на старости лет с ванной пожить, с туалетом тёплым...

- Ещё чего придумай! Про туалет я с генералом говорить буду!
- Говори, про что хочешь, а чтоб квартиру в новом доме выпросил!
- Да зачем нам та квартира, Верка? Тут вон как хорошо – захотел огурчика...
- Да пошёл ты со своим огурчиком!

...Александр Петрович стоит на школьном крыльце и с заготовленной улыбкой умиления слушает, как первоклашки хриплыми от старания голосами выкрикивают четверостишия. Руки Александра Петровича заняты длинными гладиолусами, толстыми пионами и мохнатыми астрами. Каждый ребёнок постарался отдать свой букет именно ему. Александр Петрович смотрит на школьников и вспоминает вчерашний вечер. Как хорошо всё-таки посидели! «Надо бы чаще встречаться, – думает Александр Петрович. – А то и махнуть куда-нибудь вместе! В Турцию, например. Точно, взять путёвку на четверых: он, жена Света и Генка с Веркой. Они-то, Генка с Веркой, наверное, вообще нигде не были, вот сюрприз-то будет!..»

Линейка закончилась. Александр Петрович галантно вручил дары палисадников директрисе и увидел шагающего к нему Генку.

– Ну ты, брат, вырядился! – Александр Петрович потянулся обнять друга, но Генка неожиданно отпрянул и проговорил суровой скороговоркой:

– Здравияжелаютоварищгенерал.

– Ну здорово, здорово, – улыбнулся Александр Петрович, готовый подхватить Генкину шутку.

– Просьба у меня. Жизнь-то прожили, а ванны нет.

Генка говорит сбивчиво, чем больше говорит, тем больше злится. Александр Петрович сначала улыбается, потом становится серьёзным, потом досадливо морщится.

– Товарищ генерал, старшеклассники ждут, – молодая директриса аккуратно трогает Александра Петровича за рукав кителя.

– Ладно, Ген, мне пора. Рад был повидаться.

Генка и Верка молча чокнулись рюмками с пёстрыми переснимками. Первой заговорила Верка:

– А что ж ты хотел – генералы, они такие!

– Пойду сорву огурец, – сказал Генка и снова наполнил рюмки.

История одного дня

Он вернулся в день своих похорон. «Если бы на час раньше, успел бы на кладбище», – подумала Шурочка и испугалась этой мысли, как пугалась всего, что случалось неожиданно. И очень удивилась, что Андрею удалось вернуться неожиданно.

Все двадцать пять лет она ждала его появления. Была уверена, что сначала придёт к ним, – он же не знает Светкиного адреса. Розы Люксембург, 27, квартира 6. Шурочке даже снилось, как звенит звонок, она бежит к двери, уже зная, кто за ней, открывает дверь, зачем-то подаёт Андрею тапки – новенькие, с биркой, и выдаёт адрес: Розы Люксембург, 27, квартира 6. И он ничего не переспрашивает, потому что знает – там жена и сын. А Шурочке хочется рассказать, как не хотела Светка получать эту квартиру, как они с Лёней её уговаривали, а она кричала: «Мы не семья погибшего при исполнении!» Как будто, согласившись на квартиру, она, как и все, признавала, что муж погиб...

Но рассказывать некогда, потому что Андрею надо идти. А ей, Шурочке, надо срочно звонить Лёньке и выдохнуть в трубку: «Маркошанский вернулся...»

С Маркошанскими они познакомились в Степанакерте. И сразу подружились. Потому что для дружбы был самый полный набор поводов. Леонид Плетнёв и Андрей Маркошанский служили при одном штабе. Оба были родом из Краснодарского края. Жёны у обоих – белоруски. Дети – мальчики – одного возраста. Славику Маркошанскому – год и два, Мите Плетнёву – год и месяц.

Шурочка потом думала, что в другом месте, при других обстоятельствах они со Светкой подругами никогда не стали бы. Слишком уж разные.

Шурочке важно было всем нравиться. Эту задачу она решала причёсками «чтобы точь-в-точь как на картинке» и выражением милого, немного беспомощного удивления на лице, тщательно отрепетированного ещё в юности.

Внешность Светки Шурочка считала обычной. И это была самая безнадёжная с её точки зрения характеристика. Уже потом, через много лет, на Шурочкином тридцатипятилетнем юбилее один из гостей – Лёнин сослуживец – поинтересовался: «А что за женщина на том конце стола, вторая слева?» И добавил: «Даже не знал, что бывают такие красивые».

Шурочка весь вечер разглядывала Светку. И потом полночи, лёжа в кровати, удивлялась: Светка, действительно, была красивая. Пышные, с лёгкой волной волосы идеального жёлтого цвета. В детстве кленовые листья такого оттенка – чистые, без красных прожилок – считались самой ценной находкой. Брови – угольно-чёрные, густые, немного сросшиеся, отчего казалось, будто Светка всегда немного хмурится. Улыбка на таком лице – сразу праздник. А в прищуренных глазах – приглашение к этому празднику. И главное – по лицу заметно, что Света совсем не дорожит этой красотой, относится к ней как к богатству, которого так много, что растратить жизни не хватит.

Почему Шурочка не увидела эту красоту сразу, ещё при знакомстве? Потому что тогда – в улыбке, в глазах, в кажущейся Светкиной нахмуренности – был только Андрей. Шурочка даже не представляла, что можно так любить. Нет, она Лёньку, конечно, тоже любила. Но минуты до его возвращения со службы не считала. Да что там минуты – час-другой Лёниной задержки никакой паники у Шурочки не вызывал.

Света впадала в панику на пятнадцатой минуте. Приводила Славику к Шурочке и уходила паниковать. Вдоль дома она могла шагать часами. По ровной, как безнадёжная кардиограмма, линии, под взглядами местных женщин в цветастых платках, которые в это время выходили на балконы или устраивались у открытых окон.

Сначала Шурочка пыталась объяснять, что так волноваться – ненормально. Но Света слушала так, будто Шурочка говорит или очень тихо, или на незнакомом языке: вся напрягалась, брови сводила в категоричную чёрную «галочку», а во взгляде появлялось такое изумление, что Шурочка замолкала на полуслове.

Андрей был красавчиком. Точнее, считался таковым. Из-за улыбки, которая мгновенно заражала любого, кто находился рядом. И улыбался он часто. Чаше, чем все знакомые Шурочке люди. И своей улыбчивостью как будто демонстрировал, что его всё в жизни устраивает.

За должностями и званиями Андрей не гнался. Поэтому, когда он попросил перевод в Мардакет – глухое армянское село, удивилась не только Шурочка, но и Лёня, и даже руководство штаба. Да, там можно было быстрее получить следующее звание и должность была повыше. Но там не было жизни. И общения тоже почти не было. Почти, потому что одна семья из «своих» там всё-таки была.

Армянин Агван Кумарян, с которым они тоже познакомились в Степанакерте, перевёлся в Мардакет за месяц до Маркошанского. Мотивы его перевода как раз таки были понятны всем. Агван смотрел только вверх – туда, где сверкала всем золотом мира вершина карьерного роста.

Сорокадвухлетний Агван был женат на двадцатидвухлетней москвичке Лиле. Жёну любил до слёз. Шурочка впервые видела, как это – когда при взгляде на другого человека глаза становятся влажными. Агван всегда смотрел на Лилию влажными глазами.

Выглядела Лиля Кумарян совсем не по-московски. Она заплетала чёрные, расчёсанные до электрического блеска волосы в длинные ровные косы. Среди коротких стрижек, прямоугольных каре и одинаковых «химий» Лилины косы смотрелись экзотично. И вся она смотрелась экзотично. Шурочке, когда она увидела Лилию в первый раз, сразу вспомнилась картинка из учебника по географии в разделе «Северные народы». Было в Лиле что-то шаманское. Хотя в шаманов тогда никто не верил.

Кумаряны дружили с Плетнёвыми и Маркошанскими. Но только с мужской стороны. Лиля с Шурочкой и Светкой отдельно от мужей не общалась. Но в Мардакете Лиля и Света подружились. Наверное, от безвыходности.

А потом пришла война. Шурочке с того времени ярче всего помнился холод. Он был страшнее бомбёжек. Лёня принёс огромный овчинный тулуп. Шурочка вместе с Митей закутывалась в этот тулуп и впадала в мутную стылую дрему. Начинали бомбить, нужно было идти в подвал, а она не могла заставить себя пошевелиться...

Дождались эвакуации. Шурочка собрала вещи, поплакала над «стенкой» – самой дорогой и красивой в подъезде. Лёне когда-то чудом удалось её достать, но на военном вертолёте много не увезёшь.

С Мардакетом связи не было. В штабе говорили, что Маркошанские уже эвакуировались.

Известие о том, что Андрей пропал, пришло в день, когда прибыл вертолёт. Плетнёвы задержались ещё на три дня. Светка со Славиком, вернувшись из Мардакета, поселились у них.

Оказалось, что Андрей исчез неделю назад. Уехал в штаб «закрывать» документы и не вернулся. Света с сыном всю эту неделю жили в пустом посёлке. У них был мешок с картошкой и канистра с бензином. И были Кумаряны, которые поддерживали, как могли. Но могли они немного. За пределы посёлка выезжать было опасно – на дорогах боевики.

И всё-таки через неделю Агван заправил машину Светкиным бензином и отправился в штаб. На вопрос: «А куда делся Маркошанский?» – в штабе ответили: «Да эвакуировался давно. Кстати, и не попрощался ни с кем...»

Что-то выяснять было поздно. Да и бесполезно – война. Служебный уазик, на котором Андрей выехал из штаба, не нашли. Кто-то вспомнил, что неделю назад боевики расстреляли кого-то на дороге...

Плетнёвы и Света со Славиком вместе эвакуировались в Минск.

...Похороны, через двадцать пять лет после исчезновения, организовал Агван. Жили Кумаряны теперь в Москве, куда Агван перевёлся ещё в девяностых. В столице шагать по карьерной лестнице получалось быстрее. Иногда даже удавалось подъехать на лифте, минуя промежуточные этажи.

Агван привёз в Минск землю из Карабаха. Её и хоронили. В бархатной коробочке. На новом кладбище, уютном, как район свежей застройки. В присутствии родных и близких: Славик, Лёня с Шурочкой, Агван с Лилей.

«Прах?» – деловито поинтересовалась неизвестно откуда взявшаяся старушка в платке из траурного кружева на белых волосах. «Нет, земля», – ответила Шурочка. Старушка одобритительно кивнула. Лёня дёрнул жену за руку. Шурочка знала – муж не любит, что она всем всё объясняет, но справиться с собой не могла.

Три залпа прощального салюта прозвучали особенно оглушительно. Шурочка взяла за руку Славика. Бледный, хочет казаться торжественным, но выглядит испуганным, отца не помнит совсем, только по фотографии над столом. «Хоть бы не упал в обморок». Но в обморок упала Лилия. Такая же молодая и экзотичная, как двадцать пять лет назад. «Вдова», – констатировала старушка в траурном платке. Шурочка хотела объяснить, что нет, не вдова... Но сдержалась. Света умерла три года назад...

...Света не сомневалась, что Андрей жив. И это давало возможность жить и ей. Но даже самой сильной убеждённости нужны доказательства. Хотя бы мнимые.

В страну пришла перестройка. В списке специальностей нового времени появились профессиональные помощники поддержания веры во что угодно. Бабка из-под Рязани, алтайский шаман, местная колдунья, экстрасенс в седьмом поколении... Все говорили, что он жив. Видели горы, военную машину и его, живого, рядом с чужими бородатыми людьми.

Шурочка колдунам и экстрасенсам не верила. Но в то, что Андрей жив, верила. И знала, что Лёня тоже верит. Хоть он и повторял постоянно, что если бы Маркошанский был жив, то уже бы вернулся. Повторял, чтобы Светка перестала ждать.

И она перестала. После пятнадцати лет ожидания и поисков вдруг начала жить. В полную силу, в полную радость. С нарядными платьями каждый день. С ощущением, что всё самое худшее уже случилось. Дальше – только лучшее. И вышла замуж. За тренера по самбо с круглым лицом и детской улыбкой. И это была уже другая любовь – без паники. В сорок родила дочь. А в сорок пять умерла от рака.

Шурочка в последние дни почти не отходила от подруги. И однажды, в перерыве между болями, Света сказала: «Я его не вижу...»

...Мужчины сидели в зале. За столом, который накрывался как поминальный. Поминать, помнить, вспоминать. Они вспоминали. Глухими голосами воскрешали прошлое. Осторожно, не тревожа то, что должно остаться погребённым.

Шурочка свет на кухне не зажигала. Но он пробрался сам. С улицы. Пятно от уличного фонаря остановилось на Лиле. Подсветило, как театральным прожектором, её лицо: резкие скулы, чёрные колодцы глаз, невидимые, в цвет кожи, губы. «Как будто актриса перед монологом», – подумала Шурочка.

«Я очень любила. Но испугалась». Лилин голос звучал тихо, почти не выходил наружу. И Шурочка удивилась. Тому, что Лилия открыла ей свою тайну. Которую хранила столько лет в себе. И эта тайна делала её похожей на шкатулку. Чёрную шкатулку, в которой хранится главная драгоценность – украшение для первого бала или яд для последнего дня.

Лилия рассказывала, что с Андреем они должны были встретиться уже на территории другой страны, с новыми паспортами. И новая жизнь должна была записываться поверх старой, как на кассетной плёнке... План побега исключал всякую возможность возвращения. Но это

не казалось им слишком высокой платой. За любовь никакая плата не кажется слишком высокой.

Лиля испугалась в последний момент. Когда почти приблизилась к границе. В тяжёлой чёрной машине с темнобородым попутчиком с тяжёлым взглядом. «Передайте, что я не смогла...»

Лиля замолчала.

Шурочка подошла к окну и дотронулась до батареи. Включили отопление. Шурочка обрадовалась, как радовалась этому событию уже двадцать пять лет. Захотелось сообщить об этом всем – Лёне, Андрею, Агвану, Лиле...

А на часах, превращая цифры в нули, завершался этот странный день. Один из многих дней странной чужой жизни. «Или не странной?» – подумала Шурочка и совсем не испугалась этой мысли...

Вместо эпилога

Андрей Маркошанский узнал о том, что Лиля «не смогла», после двух дней ожидания на границе. Вернуться он не мог – по паспорту это был уже совсем другой человек, и таково было условие людей, которые помогали организовать побег. «Не сейчас», – сказал темнобородый человек.

Сначала Андрей двигался по новой, как будто купленной по ошибке жизни с ожиданием, когда наступит «сейчас». А потом... Потом жизнь перестала быть новой, разносилась, как разнашиваются даже самые неудобные ботинки. И в ней сначала появилась работа, потом жена – с гладкой кожей и с глазами – половинками солнца, а потом и темноволосая дочка с коротким именем Ли.

Но прошлое не стиралось. Со временем даже какие-то моменты вспоминались ярче. А может, не вспоминались, а придумывались. Женщина с прищуренными глазами. Мальчик, который почти не говорит, но много улыбается. И чёрные косы поверх острых, будто готовых к бою лопаток.

Сверить воспоминания Андрею было не с кем. И он решился на эту поездку. Для чего? Ответ на этот вопрос для него был так же непрост, как и для тех, кто его задавал. Не вслух, но обязательно задавал. Может быть, для того, чтобы удостовериться, что всё, действительно, было. Или для того, чтобы понять, что всё, действительно, в прошлом...

Дед Петя

Дед Петя отошёл от окна и присел на краешек дивана. «Адрес-то Сергей хоть правильно продиктовал?» По телевизору хмурая девушка в милицейской форме допрашивала небритого парня с длинными волосами. Сергей, уходя на работу, включал телевизор всегда на одном и том же канале. «Тут тебе, папа, и новости, и сериал про Мухтара». Сын работал в милиции.

Дед Петя пультом от телевизора пользоваться не умел. У них с Маней телевизор был без всякого пульта. Да они его и не смотрели. Только когда Маняшка приезжала, иногда включали... Дед Петя снова подошёл к окну. На ярко-зелёной скамейке у подъезда белел листок «Окрашено!». «Чего клеить зазря? Всё равно никто на ней не сидит».

На их скамейке в Зеленцах тоже никто не сидел. Ну если только вечером, когда вся работа переделана. Никто, кроме него. А он читал книжки. В поселковой библиотеке всё перечитал – от Аверченко до «Японской художественной традиции». Мане соседки говорили: «Сама день на огороде спины не разгибаешь, а твой гультай голову от книжки поднять не может». А Маня ничего не отвечала. Совсем ничего. И говорить перестали. Потому что Маню любили. И как её было не любить? Если и есть на свете абсолютная доброта, то он, дед Петя, её видел. А что она есть, доброта-то? Плохого никому не делай, а просят помочь – помоги. Маня ни у кого ничего не просила. Всё сама могла. И никогда не болела. А как заболела, никто не помог. Алексей с Тamarой по профессорам её возили. А те руками разводили – где, мол, вы раньше были. А чего раньше-то? Раньше-то и не болело ничего... Дед Петя посмотрел на большие часы над телевизором. «Точно, Сергей не тот адрес дал».

Звонок раздался, когда чайник кипел уже четыре раза. Дед Петя открыл дверь и увидел то, что и ожидал увидеть. На пороге стояла молодая Маня. Такая, какой дед Петя видел её на фотографиях в зелёном альбоме. Длинные тёмные волосы на пробор и большие, в пол-лица, молодые глаза. Молодые не потому, что Маняшке ещё только-только двадцать исполнилось. Дед Петя знал, что они и потом такими останутся. С Маней они встретились, когда обоим было за сорок. Маня тогда была уже совсем седая. Белоснежные волосы, собранные в узел, и молодые глаза.

– В Минске пробки – жуть! Чуть выехала! Ну, показывай, как ты здесь живёшь! Да у тебя отдельные апартаменты!

Апартаменты не апартаменты, а свой угол в квартире сына у деда Пети был – отгороженная занавеской часть зала.

– Да какой, дедуля, чай? – тараторила Маняшка. – Собирайся, поедem. Как куда? К бабушке на кладбище съездим. Ты когда в Зеленцах-то в последний раз был?

В Зеленцах дед Петя не был давно. Хотя ехать двадцать минут на автобусе. И автобус каждый час ходит. Только чего туда теперь ехать? За Маниной могилой Тома с Алексеем хорошо смотрят. Оградка всегда свежевыкрашенная, весной цветы цветут, осенью – листья убраны. А поговорить с Маней он и здесь может. Времени хватает. С соседями встретиться? Зауманиха, Шурка Потапов, Коля Ахтиенков да учительница Вера Андреевна... Стариков в деревне осталось – по пальцам пересчитать. Можно пройти по Заречью туда и назад – и никого не встретить. Так дед Петя уговаривал себя, когда, возвращаясь из магазина, проходил мимо автостанции. В Зеленцы хотелось всегда. Просыпаясь утром, он не сразу открывал глаза. Представлял, как откроет, а перед ним – стена с жёлтыми в золотистые завитушки обоями. На стене – вырезанная из журнала картинка – полуголые люди, прикрывшись тряпками, куда-то бегут. Кто и почему повесил эту картинку, дед Петя не знал. Когда он переселился к Мане, картинка уже висела... После переезда к сыну в райцентр в Зеленцах дед Петя был только однажды. С молодой лёгкостью прошагал по улице, помахал Шурке, который, как всегда, сидел у окна, подошёл к дому с чуть различимой табличкой «Заречье, 76», привычно перекинул руку через калитку, чтобы

отодвинуть верхнюю щеколду, и вдруг услышал за спиной незнакомый голос: «А вы кто?» Дед Петя обернулся и в палисаднике дома напротив увидел молодую женщину в очень коротких шортах. В руках женщина держала новенькую блестящую тяпку. «Дачница», – подумал дед Петя, вспомнив, что соседский дом недавно купили.

– Я-то? – улыбнулся дед Петя. Он хотел пошутить, как-нибудь галантно представиться...

– Тёти Томи с дядей Лёшей нету, на выходные только приедут. Я за их домом пока присматриваю, – скороговоркой проговорила женщина и вернулась к прополке.

Дед Петя отошёл от калитки и присел на лавочку. Под рябиной. Ту самую лавочку, на которой он читал книжки. Оглянулся на дом – как будто хотел найти в нём какой-нибудь признак, который укажет на то, что это больше не его дом. Но такого признака не было. На окнах были всё те же деревянные перегородки. Таких уже мало у кого осталось. Соседи смотрели друг на друга и ставили стеклопакеты. Дома с новыми окнами казались деду Пети слепыми. За окнами дома номер семьдесят шесть были всё те же короткие матерчатые занавески на деревянных карнизах. Да и в доме, наверняка, всё осталось по-прежнему. Только это был уже не его дом. Хотя, если уж быть точным, дом этот никогда его и не был. Дед Петя, как говорили в деревне, пришёл к Мане в примы. «Почему тебя обзывают примаком?» – спрашивала Маняшка. Слово «примак» казалось ей обидным...

Дед Петя накинул куртку, надел валенки на резиновой подошве и вышел из квартиры вслед за Маняшей. На лестничной клетке встретили Аркадия – соседа снизу. Аркадий тоже был из тех, кого «дети к себе забрали». Только поопытнее деда Пети. С детьми он жил уже больше десяти лет.

– Гости у тебя, Пётр?

– Да вот внучка приехала! – неожиданно для самого себя дед Петя разулыбался, как не улыбался уже давно.

– Внучка? – удивился Аркадий. – Откуда у тебя, Пётр, внучка?

Маняша уже держала открытую дверь подъезда. Дед Петя вышел на улицу, махнул рукой – пусть Аркадий думает, что вопроса про внучку он не услышал.

Настоящей внучкой Маняша ему не была. Как Алексей не был ему сыном. Отец Алексея, Манин муж, пришёл в 44-м в отпуск, а в 45-м погиб под Кёнигсбергом. Так и не узнав, что в том же 45-м у него родился сын. Когда Петя переехал к Мане, Алексей уже жил в Минске, был женат на Тамаре и ждал появления Маняши. К матери Алексей с семьёй приезжал каждый выходной и все отпуска проводил в Зеленцах. Тома была сиротой. Маню она любила как родную мать. Да и как её было не любить-то... А вот у деда Пети отношения с Тамарой не сложились. Охочая до работы, скорая на руку (ягоду в лесу Манина невестка брала так проворно и чисто, что в Зеленцах про её ягодные рекорды легенды ходили), того же она ждала и от других. Дед Петя с его книжками и сидением под рябиной Тамару раздражал, злил даже. Да и ревновала она. Думала, что Маня отдала деду Пете её, Тамарину, часть любви...

И всё-таки это была его семья. У родного сына Сергея тогда уже своя семья была. И был в ней родной внук деда Пети – Влад. Они поздравляли друг друга с Новым годом и Пасхой. А семья деда Пети была здесь: Маня, Алексей, Тамара и Маняша. Маняша была главным членом этой семьи. Тома привезла Маняшку в Зеленцы, когда той исполнилось три года, – детский сад закрыли на ремонт. Через год сад открыли. Но Маняшка до школы в Зеленцах оставалась. А потом они с Маней считали дни до школьных каникул... Когда Маняша подросла, стала на танцы ходить, для деда Пети начались бессонные ночи. «Да спи ты уже, – говорила Маня, – придёт, никуда не денется». Но дед Петя спать не мог. Выходил к старому магазину на конце улицы и ждал, когда появятся голоса. Различал среди голосов Маняшин и тогда только возвращался домой и засыпал...

– Ты, дед, на мам-пап не обижайся, – Маняша опустила козырёк на лобовом стекле – апрельское солнце грело ещё слабо, но светило ярко. – Папа против был, даже голос на маму повысил, представляешь?

Представить, как Алексей повышает на Тамару голос, дед Петя не мог. Алексей, как и Маня, не умел злиться. А дед Петя ни на кого не обижался. Ну, может, на врачей. Что Маню не вылечили. Он до сих пор не верил в диагноз. Рак груди. Как же груди, когда у неё нога болела?

Маня умерла весной. Как дед Петя дожил до лета, он не знал, не помнил. Ни одного дня рассказать не смог бы. Наверное, не ел. Или не дожил бы, если бы не ел? Точно не брился, не читал, на улицу не выходил. Потом приехала Тамара. Что-то говорила, наверняка, ругалась, выносила куда-то подушки, одеяла, топила баню. Очнулся дед Петя, когда услышал: «Хотели Маняшу на лето отправить, так посмотри, на кого ты похож...»

Это было лучшее лето в жизни деда Пети. Ему даже стыдно было перед покойной Маней за то, что так радостно, так хорошо.

– Что-то ты, Пётр, помолодел, – шурилась на него учительница Вера Андреевна. Деду Пете объясняться с ней было недосуг. На скамейке он сейчас сидел только вечером. А днём надо было еды наготовить. Ну еды – не еды, а суп был каждый день. Суп варить дед Петя ещё в армии научился. И Маняшка его супы ела с удовольствием. Как-то дед Петя сварил суп уже здесь, у Сергея, но никто его не ел. Сын с невесткой сказали, что не голодны, а Влад что-то другое ест... Маняша тоже однажды решила его угостить. Варенье сварила, из рябины. Хотелось, как у бабушки. Такое рябиновое варенье, как у Мани, ни у кого в Зеленцах не получалось. У Маняшки получилось что-то зелёное и горькое. Но дед Петя ел. Намазывал на хлеб, запивал чаем из смородиновых веточек и нахваливал. «Да ну тебя, дед! – смеялась Маняша. – Его ж в рот взять невозможно!» А потом внучка влюбилась. В Костика, сына председателя сельсовета. А тот провожал с танцев Алесю, Зауманихину внучку. «Она же старая!» – плакала Маняша. А дед Петя гладил её по тёмным скользким волосам и улыбался. Когда тебе шестнадцать, девятнадцатилетние, конечно, старые... Вместе читали книжки. Маняша новых привезла. Спорили над «Унесёнными ветром». Маняша Скарлетт нахваливала. А дед Петя сразу понял, что нехорошая это женщина, не будет с ней никому жизни. Деду Пете нравилась Мелани. Он называл её Меланьей, а Маняша смеялась. С чего – непонятно...

Следующим летом Маняша не приехала. Школа закончилась, надо было поступать в институт. Алексей с Тамарой приезжали часто. Не каждые выходные, как когда Маня жива была, но часто. Иногда привозили кого-нибудь из городских друзей. То, что Тамаре он мешает, дед Петя знал. Услышал как-то, как она жалуется Алексею, что приходится бельё постельное за ним, за дедом Петей, стирать, и переселился в баню. Но и там мешал.

О том, что надо выселяться, деду Пете сказал Алексей. Долго сидел на стуле, нескладно горбился, тёр до красноты переносицу и потом сказал. И с Сергеем, чтобы тот забрал отца к себе, тоже договорился Алексей...

– Деда...

Маняша обхватила деда Петю за руку и, как маленькая, потёрлась о рукав. Они стояли за низенькой голубой оградой перед памятником с круглой фотографией. На фотографии Маня улыбалась одними глазами.

– А я, деда, беременна...

– Беременна, – повторил дед Петя за Маняшей и прищурился так сильно, как только мог, чтобы лучше видеть Манины глаза на фотографии. Они всё так же улыбались.

– А муж?

– Муж есть! – засмеялась Маняша.

– Откуда ж он есть? А свадьба?

– Да какая свадьба! Сейчас и так жить можно.

Дед Петя вспомнил, как он откладывал на сберкнижку деньги Маняше на свадьбу. Сбережения эти потом «сгорели»...

– ...Осенью уже рожать. В академический уходить не хочу, год осталось доучиться. Андрей работает. Папа с мамой тоже. Мне, кроме тебя, и попросить некого...

– Про что попросить-то?

– Дед, ты меня совсем не слушаешь! Поможешь с малышкой? С коляской погулять, пока я на занятиях, может, посидеть с ней дома пару часиков...

– С ней?

– Ну да, сказали – девочка будет!

...Дед Петя помахал вслед длинной серой машине, на которой уехала Маняша. Сел на скамейку, отодвинув листок с надписью «Окрашено». А что, можно и на скамейке посидеть, пока время есть. Скоро у него, деда Пети, этого времени не будет. День скоро будет расписан – от и до. С самого утра – на первый автобус. Маняша думала на машине его забирать, но для чего это надо? Пусть поспит подольше. Он, дед Петя, и на автобусе доедет. А там покормить, погулять, супа Маняше да её Андрюше наварить... Зима пролетит быстро, а там за весной и лето придёт. Правнучка подрастёт, можно с ней будет и к Мане съездить. Правнучка... Слышишь, Маня, у нас будет правнучка...

Когда умер монах

Вчера на Анзере умер монах. Валентине сообщил об этом местный водитель дядя Коля. Дядя Коля был из тех, кто на Соловках родился и жил всю жизнь, никуда не выезжая. Ездил на старенькой, ловко подлатанной газели. И возил только «своих», туристов не брал. Валентина гордилась, что уже третий год попадает под категорию «своих». На Соловки она приезжала с первой навигацией. Брала накопленные за год отпуска и уезжала работать гидом «на острова».

Газелька зашуршала по гравийке, и год, проведённый на материке, как будто стёрся.

– А здесь всё, как прежде, – сказала Валентина, чтобы вслух произнести свою радость и начать разговор с дядей Колей. А дядя Коля, вместо того чтобы важно кивнуть, вдруг сообщил:

– Вчера на Анзере умер монах.

И это сообщение весь день сидело у Валентины в голове. Она заполняла карточку в общепитии и вспоминала глаза монаха – цвета воды Белого моря. Вода может повторять цвет неба. А глаза монаха смогли повторить цвет моря, на котором он жил.

Валентина любила водить экскурсии на Анзер. С единственным на острове монахом она ни разу не общалась. Кивала, когда вела мимо его скита группу туристов. Он кивал в ответ. Но для Валентины Анзер существовал только с ним. С ним и его собакой. Худой, голубоглазый, безымянный, неизменно провожающей туристов на пристань.

Именно от мысли про собаку Валентина проснулась среди ночи. «Её же, наверняка, забрали с острова», – подумала Валентина, но уснуть больше не смогла. Поднялась, надела первое, что попало в шкаф, – пёстрое платье и белый кардиган толстой вязки – и вышла на улицу. Ночью посёлок Соловецкий застывает. Валентина – дипломированный лингвист – точно знала, что слова «застывшестъ» в русском языке нет. Но состояние ночного Соловецкого никаким другим словом описать не получалось. Застывали проверенные временем стены монастыря и наспех сколоченные поселковые бараки. Застывала бухта с гордым названием Царская и корабли у местного причала. До причала Валентина дошла быстро, поднырнула под чугунную цепь, прошла по неожиданно тихому деревянному настилу и остановилась у воды. Вспомнилось дяди-Колино: «На горе умер. Верно, как почуял смерть, так на гору и взобрался, поближе к Самому». Валентина понимала, почему монах отправился на гору. Он карабкался на верхушку не для того, чтобы встретить смерть, а для того, чтобы убежать от неё. Верхняя площадка анзерской горы – единственное место на острове, где берёт спутниковая связь.

Валентина внимательно посмотрела вниз, на тёмную, в цвет чугунной цепи воду. Собственное отражение показалось ей незнакомым. Как будто кто-то там, на глубине, перепутал и выдал по ошибке чужое. Кольцо на среднем пальце левой руки выглядело неправдоподобно огромным. Так выглядит луна в глазах близоруких. «А как умру я?» – подумала Валентина и вдруг услышала всплеск. В полной тишине он прозвучал выстрелом – коротким, глухим, с той остротой угрозы, которая бывает только ночью и только в безлюдном месте. «Это не рыба», – успела подумать Валентина и услышала пронзительный, в такт чых-то шагов, скрип деревянного настила. Кто-то сзади тронул её за плечо. Валентине показалось, что она оборачивается долго. Очень долго. Так долго, как только может. С надеждой, что за спиной никого нет. Но он был. Мужчина в зелёной куртке. Лицо в темноте разглядеть было сложно. Взгляд останавливался на куртке. Слишком зелёной даже в темноте.

– Добрый вечер, – выговорила Валентина, удивившись, что может говорить, и испугавшись, что сейчас совсем не вечер. Мужчина взял её за руку и повернул так, как будто хотел рассмотреть на свету. Но света нигде не было. И мужская рука была холодной и мокрой. «Надо закричать». Мысли двигались, как ноги во сне, когда надо бежать, а не получается. И кричать

тоже не получалось. Мужчина отпустил руку и пошёл прочь. По деревянному настилу, который вдруг замолчал.

В ту ночь Валентина так и не уснула. Надеюсь поспать днём. Тем более что экскурсий в этот день у неё не было. А поспать нужно было обязательно. Переспать ночной страх. Валентина знала, что после сна всё надуманное из страха уйдёт. И очень надеялась, что надуманным окажется всё. И чужая дрожащая тень, и глухой всплеск, и зелёная куртка, и холодная рука, и скрип настила – отчаянный, как мольба о помощи. Но сон неожиданно отложился. Вера Борисовна, заведующая экскурсионным бюро, позвонила в 09:30 и с интонацией автоответчика сообщила: «У тебя через час Анзер, один турист, заплатил за группу».

В 10:30 Валентина была на Тамариновой пристани с табличкой «Остров Анзер». Пристань была пустой. Только что убыла группа на Заяцкий остров. «Может, Борисовна перепутала», – подумала Валентина, и в этот момент её тронули за плечо. Она быстро обернулась и сразу увидела куртку. Зелёную.

– Я на Анзер. Здравствуйте, – мужчина средних лет и такой же средней внешности смотрел на Валентину так, как смотрят туристы, которые на Соловках впервые: смесь изумления «я, правда, сюда добрался?» и нетерпеливости «скорее удивляйте меня». Валентина молча пошла к катеру, мужчина поспешил за ней. Пока плыли до острова, турист рассказал, что его зовут Вадим, он из Брянска, у него всего два дня на Соловках, и он очень рад, что попал сегодня на экскурсию. «И зелёная куртка, – сказала про себя Валентина, и добавила: – Надо было всё-таки поспать».

Только ступив на анзерский берег, Валентина поняла, что сегодня не увидит монаха. На острове она будет одна. С мужчиной в зелёной куртке, но всё-таки одна. Монах тоже всегда был один. И этим оправдывал одиночество Валентины. Конечно, её скит – совсем другой. Не в избе на уединённом острове, а в густонаселённом бараке на окраине Кеми. Но её отшельничество тоже добровольное. Мама три года назад вышла замуж и уехала в Питер. Хотела забрать и Валентину. И теперь хочет. Но Валентина даже в гости не ездит. Мама обижается, Валентина отговаривается занятостью. Не может же она сказать, что боится поссориться с собственным одиночеством.

Экскурсия шла легко. Вадим оказался любознательным, но не дотошным. От страха Валентина избавилась. Мало ли зелёных курток? Обязательную программу отработали быстро. И Валентина решила показать Вадиму достопримечательность, про которую знали немногие. Могила неизвестной игуменьи. Она была в самой глубине острова, в почти непроходимых зарослях. Добираться по узким тропинкам уже было приключением. Остановились на пригорке у ветхого надгробия с маленьким медальоном. Изображение на медальоне почти стёрлось. Осталось только выражение строгости в размытых очертаниях женского профиля. Валентина начала рассказ, в котором было больше версий, чем фактов. Вадим слушал внимательно, что-то задумчиво крутил в руках. Это что-то не давало Валентине покоя. Она подошла как будто ближе к надгробию и опустила глаза на руки Вадима. «Не может быть!» Валентина от ужаса закрыла рот руками и побежала. Вниз с пригорка, по зарослям, по тропинке, скорее, скорее к пристани! Она бежала и держалась за средний палец левой руки. Как она забыла про кольцо! Кольцо, которое купила в свой первый год на Соловках и носила, почти не снимая. Кольцо, которое было на ней ночью и отражалось в тёмной воде Царской бухты. Это кольцо теперь было в руках у Вадима. У мужчины в зелёной куртке. Валентина бежала и слышала за собой быстрые, нечеловеческие шаги. И такое же быстрое, прерывистое дыхание. Она уже видела море, катер, оставалось совсем чуть-чуть... И она упала. Валентине казалось, что она падает медленно, и слышит горячее дыхание, и чувствует на своей руке что-то мокрое, и видит глаза. Голубые глаза собаки.

Очнулась Валентина на берегу. Рядом – перепуганные Вадим и водитель катера. И худая безымянная собака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.